

© 2022

Виталий Бирюков

доктор экономических наук, профессор;
профессор кафедры экономики и управления персоналом Омской гуманитарной
академии (г. Омск, Россия)
(e-mail: sciencebv@gmail.com)

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье показана ограниченность стратегий изучения институциональной экономики, которые сложились в результате маржиналистского переворота и появления общепринятой дуалистической парадигмы. В рамках данной парадигмы конкурирующими стратегиями фактически в качестве «жесткого ядра» используется утилитаристская трактовка экономических мотивов поведения субъектов, а социальные феномены выступают экзогенными переменными, с помощью которых создаются разные объяснительные схемы поведения субъектов. Рассмотрены особенности разработки исследовательской парадигмы, позволяющей изучать эндогенные механизмы развития современной экономики на основе институционального подхода.

Ключевые слова: классическая парадигма, неоклассическая парадигма, институциональные теории, институциональная экономика.

DOI: 10.31857/S020736760022707-6

Происходящие кардинальные трансформации современной экономики, которые складываются в условиях конфронтации крупных держав и активного использования инструментов, меняющих правила взаимодействий игроков на мировых рынках и структурные условия развития национальных экономик, усиливают значимость разработки адекватных усложняющейся реальности исследовательских подходов. Особенности разработки данных подходов определяются своеобразием эволюции современного экономического знания, которое формируется в последние десятилетия под влиянием методологического поворота, обусловленного потребностью изучения закономерных связей экономики как сложной системы с помощью институционального анализа.

Противоречивый процесс развития экономической науки вызвал появление сегодня многочисленных направлений экономических исследований, дисциплинарное разграничение которых сопровождается фрагментацией проблемного поля. Данные перемены часто интерпретируются как переход от монопарадигмального к полипарадигмальному облику экономического мейнстрима. При этом институциональные исследования в мейнстриме стали рассматриваться в качестве некоторого особого направления изучения экономики.

Наблюдающийся в настоящее время бурный рост количества институциональных теорий, связанных с описанием многообразных и противоречивых процессов развития современной экономики, сопровождается одновременно и ростом критических работ. Сегодня распространенным становится мнение о необходимости пересмотра концептуальных основ институциональных исследований, так как их результаты не обеспечивают полного учета особенностей экономического взаимодействия людей, принадлежащих к различным группам населения, и сформулировать ясные ответы на современные вызовы. При этом обращается внимание на фундаментальные изъяны институционализма, эклектичный и дифференциальный характер теорий институциональной экономики, а также на их скромную практическую ценность для проведения экономической политики [1; 2].

Своеобразие сложившейся на сегодняшний день ситуации в экономической мысли состоит в том, что в результате абсолютизации различий конкурирующих стратегий остаются без должного внимания вопросы формирования их общих парадигмальных основ. Это затрудняет понимание сложившейся логики эволюции экономических теорий, в рамках которой экономические институты, координирующие различные формы экономических взаимодействий, обладают экзогенным статусом в отличие от классической политической экономики, позволяющей изучать эндогенные по своей природе институциональные регуляторы экономической деятельности людей. В связи с этим важным становится прояснение логики конструирования парадигмальных рамок развития современных экономических теорий и особенностей разработки альтернативных институциональных стратегий, а также поиск путей перехода к исследовательской парадигме, позволяющей изучать эндогенные механизмы развития современной экономики с помощью институционального анализа.

Парадигмальный простор и пределы эволюции институциональных исследований в рамках сложившихся стратегий изучения экономики. Особенности формирования современного облика экономической науки, вызванные попытками описания закономерностей развития экономики на основе рассмотрения взаимовлияния складывающихся в экономике относительно устойчивых системных связей и экономического поведения людей, определяются тем, что уже более ста лет сохраняется проблема соотношения индивидуализма и холизма, субъекта и институтов. Обсуждение данной проблемы связано с интерпретацией двойственной природы процессов конструирования социальной реальности, в которой социальные структуры и индивиды выступают как взаимодополняющие элементы, а взаимодействие между ними в соответствии с системным подходом определяется наличием общих и различных свойств. Складывающиеся в социальной реальности микро- и макроуровни в определенной степени автономны, но и взаимосвязаны; макроуровень характеризуется наличием эмерджентных свойств, которые зависят от элементов нижнего уровня.

Поэтому поиск стратегий исследования экономики как сложной системы неизбежно приводит к признанию сторонниками альтернативных версий институционализма необходимости изучения экономического поведения субъектов с учетом его сложившейся в рамках данного контекста связи с институциональными структурами. Так, по мнению М. Аоки, анализ должен всегда начинаться с субъектов и институтов, пусть даже примитивных [3]. С этим утверждением согласен и Дж. Ходжсон, который показывает, что «в общественных науках есть одна допустимая стратегия: *всегда* начинать со структур и индивидов» [4. С. 48].

Критики методологических подходов, не опирающихся одновременно на структуры и индивидов, указывают на теоретическую бесплодность версий методологического индивидуализма и холизма, трактуемых в узком смысле слова. Так, если в рамках методологического холизма, исходя из особой значимости социальных связей, предпринимать попытки объяснять поведение субъектов исключительно в терминах структур, то возникает упрощенная интерпретация их влияния на субъекты, которые становятся марионетками в руках социальных сил. В свою очередь, тупиковыми являются и попытки опоры на методологический индивидуализм, который ориентирован на объяснение формирования социальных связей и институтов на основе только действий субъектов, игнорируя уже сложившиеся социальные структуры; при таком подходе социальные явления просто замалчиваются и маскируются.

Особенности конструирования сложившихся стратегий институциональных исследований экономики обуславливаются противоречивой логикой эволюции экономического знания, возникшего под влиянием маржиналистского переворота. Парадоксальность когнитивной ситуации состоит в том, что при всей внутренней неоднородности конкурирующих стратегий они опираются на общие методологические предпосылки, определяющие специфику видения проблемного поля разрабатываемых концептуальных подходов и моделей. Так, на основе неоклассического видения экономической реальности сложилась традиция трактовки экономических мотивов субъектов в соответствии с утилитаристской этикой. Но проблема состояла в том, как отмечает Х. Курц, что понятие *homo economicus* не может служить адекватной отправной точкой для общественной теории, призванной объяснить реальность [5. С. 268]. Понимание представителями ортодоксальных теорий необходимости разработки концептуальной схемы, исходя из включенности субъектов экономики в сложную систему связей, способствовало формированию в условиях маржиналистского переворота эклектической версии методологической стратегии, в рамках которой анализ эгоистического поведения субъектов экономики осуществляется явно или неявно с учетом влияния институциональных связей и других социальных феноменов. Как писал

К. Эрроу, экономистам требуется использовать социологические элементы, поскольку индивидуальное поведение всегда опосредованно социальными отношениями [6. Р. 4–5].

Для представителей гетеродоксальных теорий критика неоклассики является важной составляющей обоснования потребности изучения экономики как эволюционирующей системы на основе институционального подхода. Как и сторонники марксистских взглядов, они исходят из того, что в экономической теории необходимо рассматривать системные изменения, поэтому методологический индивидуализм должен быть дополнен методологическим коллективизмом [7. С. 127]. Однако при этом не удалось предложить четкую альтернативу господствующей неоклассической теории; уже ранние институционалисты стали активно использовать элементы неоклассической методологии [8]. В результате возникла традиция описания экономических процессов на основе анализа влияния социальных структур на экономическое поведение субъектов, которое определяется (часто молчаливо) эгоистическими мотивами, как и в ортодоксальных теориях. Рассмотрение различных аспектов сложной связи социальных структур и субъектов на основе неоклассической трактовки их экономических мотивов поведения привело к разработке различных гетеродоксальных версий институционализма.

В связи с этим возникшая в результате маржиналистского переворота смена классической парадигмы, позволяющей изучать эндогенные по своей природе системные (институциональные) связи субъектов экономики, вызвала разработку конкурирующих теорий, сторонники которых описание экономического поведения осуществляют в контексте влияния в том или ином виде социальных факторов. Сложившаяся дуалистическая версия неоклассической парадигмы, использующая в качестве «жесткого ядра» утилитаристскую модель экономического поведения, стала основным способом осмысления экономической реальности; на ее основе создаются различные теории, которые описывают процессы, складывающиеся на разных уровнях экономики. В данных теориях экономический мотив интерпретируется в соответствии с методологическим индивидуализмом как индивидуалистический, а неэкономический объясняется на основе методологического холизма как коллективный, связанный с влиянием социальной среды. При этом социальные феномены выступают в качестве независимых (экзогенных) переменных, с помощью которых объясняются особенности экономического поведения субъектов. Использование, в рамках общепринятой дуалистической парадигмы, методов теории сложности и изменение представлений о субъектах, с учетом ограниченной рациональности, неоднородности, способности обучаться и т.д., позволяет активно критиковать неоклассиков и одновременно опираться на неоклассическую логику.

Таким образом, маржиналистский переворот способствовал утверждению компромиссной традиции создания экономических теорий фактически в соответствии с неоклассической парадигмой; эти теории разрабатываются на основе использования различных институциональных подходов, в которых институты и другие коллективные феномены приобретают экзогенный статус, что порождает исследовательский тупик. Вместе с тем в рамках сложившейся парадигмы восприятия системных процессов развития экономики возникли альтернативные направления институциональных исследований: в ценностно-нейтральном (неоинституциональном) направлении институтам придается решающая роль в формировании других коллективных феноменов и в описании экономических процессов, а в ценностно-ориентированном подходе данную роль выполняют ценностные представления и этические мотивы поведения субъектов. Утвердившаяся в результате маржиналистского переворота компромиссная конвенция, основанная на попытках «обходным путем» решать дихотомию индивидуализма и холизма с помощью дуалистической версии неоклассической парадигмы, определила появление общих рамок проведения теоретических и эмпирических исследований, когнитивных возможностей и пределов диагностики.

Ценностно-нейтральная (ортодоксальная) стратегия институциональных исследований экономики. Смена классической парадигмы экономического познания неоклассической парадигмой привела к доминированию теорий, ориентированных на использование ценностно-нейтральной стратегии. Радикальные изменения понятийного аппарата происходили в результате замещения классической теории стоимости теорией субъективной полезности. Сложившаяся неоклассическая версия теории стоимости и цены стала рассматриваться как непревзойденное достижение экономической мысли [9]. Однако вопреки тому, о чем утверждается в любом учебнике и книгах по экономике, как пишет К. Эрроу, в неоклассической модели спроса и предложения цена принимается как результат влияния внешней (экзогенной) силы, что и создает ошибочное впечатление о теоретическом обосновании рыночной цены [10. С. 435, 439]. Именно молчаливое привлечение рыночной цены, денег и других экономических понятий в качестве институциональных феноменов, обладающих экзогенным статусом, позволяет возникшему более ста лет назад неоклассическому подходу объяснять логику поведения субъектов рынка. Поэтому неоклассическая теория, претендующая на изучение поведения потребителей и производителей, взаимодействия спроса и предложения, выступает своеобразной (скрытой) версией институциональных исследований.

В отличие от микроэкономики, макроэкономика предполагает более явное использование коллективных феноменов, поскольку для изучения макропроцессов необходимо привлечение агрегированных характеристик экономической деятельности. Поэтому разработка макроэкономических теорий потребовала признания значимого влияния институциональных переменных на динамику

макропроцессов. Вместе с тем разделение в 1930-х годах экономической теории на микро- и макроэкономику создало лишь видимость появления альтернативной научной парадигмы. Формирование макротеорий мейнстрима происходило в соответствии с заложенной маржиналистами традицией изучения экономических процессов на основе ценностно-нейтральных представлений и использования экзогенных по своей природе институциональных феноменов, фокусируя внимание на анализе поверхностно-функциональных зависимостей с помощью математических моделей. В связи с этим в рамках мейнстрима исследование макропроцессов, так же как и микропроцессов, стало осуществляться на основе неоклассической парадигмы [11].

Дж. Кейнсом была заложена традиция разработки макротеорий на основе рассмотрения в явном виде влияния институтов на поведение субъектов экономики. Вместе с тем имеющиеся в «Общей теории» Кейнса микрооснования макроэкономики, как отмечает В. Автономов, — и многое другое в этой великой книге, — были нечетко сформулированы [12. С. 59]. Результатом эволюции макротеорий мейнстрима в XX в. стало доминирование нового неоклассического синтеза (или нового кейнсианско-неоклассического синтеза). При этом базовой моделью выступила модель динамического стохастического общего равновесия (DSGE), представляющая собой неоклассическую модель краткосрочного реального делового цикла (RBC) с элементами кейнсианской теории. Неокейнсианцы, в соответствии с неоклассической традицией, исходят из ценностно-нейтральной интерпретации макропроцессов; на данной основе они предлагают теоретические схемы и практические рекомендации, связанные с абсолютизацией роли рыночных механизмов в развитии экономики.

Современная волна переосмысления исследовательских подходов, в значительной мере возникшая под влиянием мирового кризиса 2008—2009 гг., характеризуется жесткой конфронтацией мнений сторонников и противников модели DSGE, а также ростом внимания к проблеме микрооснований макроэкономики. Сторонники нового неоклассического синтеза стремятся доказать, что для проведения более эффективной макроэкономической политики общую ее структуру следует сохранить, а модели DSGE требуется модифицировать для более адекватного отражения роли финансовой системы. Критики мейнстрима, заявляя о кризисе экономической теории, указывают прежде всего на глубокий кризис макротеории. Так, Коландер и его коллеги считают, что корни неудачи макроэкономики мейнстрима уходят глубоко в методологию; она упускает из виду сложную динамику экономических систем и присущую им нестабильность [13. С. 11—12]. Потребность переосмысления макротеории мейнстрима приводит к росту популярности идей и подходов поведенческой экономики. Ее сторонники предлагают свою версию институционального исследования особенностей эгоистического поведения субъектов, складывающихся под влиянием неэкономических

факторов; однако их методологические новации не затрагивают «твердого ядра» традиционной парадигмы.

Неоклассическая версия микроэкономики не приспособлена к объяснению рыночных и нерыночных экономических связей субъектов, процессов возникновения и изменения разнообразных форм коллективных действий и организации экономической жизни. Поэтому подготовленная еще в 1937 г. работа Р. Коуза способствовала появлению неинституциональной волны исследований в экономической науке. Хотя стратегия неинституциональных исследований, утвердившаяся во многом под влиянием работ Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона и Э. Острома в качестве ведущего направления мейнстрима, выступила реакцией на фундаментальные изъяны неоклассики, — однако она сложилась на основе неоклассической традиции. Методологически новая институциональная экономика аналогична неоклассической экономической теории [14. Р. 5]. Неинституциональная интерпретация экономической деятельности людей осуществляется в соответствии со структуралистским подходом со всеми его достоинствами и недостатками. При этом субъекты выступают «узниками» институциональной среды.

Возникшие в рамках неоклассической парадигмы неинституциональные теории стали интерпретировать деловую среду фирмы как бизнес-организации с учетом идей предложенного Р. Нельсоном и С. Уинтером эволюционного подхода [15]. Для преодоления ограниченности создаваемых теорий организаций Т. Фелин и Н. Фосс еще в 2005 г. выступили инициаторами дискуссии изучения их микрооснований на основе последовательной реализации методологии индивидуализма [16]. При этом указывалось, что Нельсон, Уинтер и их последователи не объясняют того, почему и как действия разных индивидов в организациях сцепляются в упорядоченную и повторяющуюся последовательность; в результате акцентируется внимание на рутинных, культуре, институтах и разных других коллективных феноменах с негативными последствиями для построения теории и практики менеджмента. Сегодня инициаторы дискуссии вынуждены признать, что институты являются в некотором смысле надиндивидуальными феноменами; вопреки распространенному пониманию микрооснований, коллективы играют роль в объяснении, а макроуровневые факторы из него нельзя исключать [17. Р. 401]. При этом поиск микрооснований институтов остается проблематичным, и трудности использования неинституционального подхода для описания современных организаций сохраняются [2; 17].

В последние три десятилетия на основе неоклассической традиции сформировался неинституционально-исторический проект исследований, получивший широкую известность благодаря работам Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, а также Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [18; 19]. В рамках данного проекта успешность развития национальной экономики объясняется используемой институциональной системой; а культурные феномены привлекаются в качестве

зависимых переменных и не приобретают самостоятельного значения. Институты определяют значение идей, ценностей и идеологий, на основе которых складываются субъективные ментальные конструкции [20. С. 143]. В связи с этим утверждается, что теория о решающем влиянии культуры не помогает понять положение вещей в современном мире [19. С. 90]. Вместе с тем, сегодня наблюдаются попытки предложить более мягкие версии связи культуры и институтов, оставаясь в рамках неоинституционально-исторической версии исследований [21]. Однако при этом сохраняется монокаузальная логика описания институционально-исторического процесса развития национальных экономик, порождающая одностороннее его видение.

Ценностно-нормативная (гетеродоксальная) стратегия институционального исследования экономики. Наблюдаемая сегодня активизация исследований в рамках гетеродоксального направления сопровождается разработкой различных концепций и объяснительных схем, сторонники которых акцентируют внимание на необходимости изучения институциональной экономики с позиции ценностных представлений субъектов. Истоки данной стратегии восходят к этической традиции Аристотеля, предполагающей изучение институциональных механизмов устройства общества, исходя из того, что нарушение принципов справедливости угрожает воспроизводству общественных отношений. Раскрывая значимость этических норм и формальных институтов, Аристотель писал, что граждане не нуждаются в правосудности, если они дружелюбны; но когда граждане правосудны, то они нуждаются и в дружественности. Вместе с тем «самое главное при всяком общественном строе – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» [22. С. 547]. Аристотелевское видение экономики воплотилось в учении средневековых схоластов, классической теории и идеях К. Маркса о внутренней противоречивости экономических связей, значимости прав собственности, институтов, идеологии и государства, а также в различных этикоориентированных институциональных теориях.

Большой вклад в исследовании институциональных проблем, как отмечал Т. Веблен, был внесен исторической школой, и особенно ее позднейшими представителями [23. С. 29]. Так, Г. Шмоллер в своей теории народного хозяйства обращает внимание на то, что старая смитовская политэкономия указала на важность поддержания справедливости в рыночном обмене, но в этом состоит лишь часть справедливости. Необходимо создание справедливых народно-хозяйственных институтов, они должны соответствовать представлениям о справедливости, которые являются в обществе господствующими или должны стать господствующими [24. С. 53–54]. Однако, в отличие от классической политэкономии, предложившей описание эндогенных механизмов развития институциональной экономики, представители исторической школы

заложили традицию объяснения экономического поведения людей и развития экономики, исходя из экзогенного влияния этических и культурных факторов.

Целый ряд ключевых идей гетеродоксального подхода сформулировал Т. Веблен, который предложил заменить представления о человеке как рациональном эгоисте более широкой интерпретацией [23]. Формирование институциональных связей он объяснял появлением устойчивых привычек мышления и поведения, которые присущи большой общности людей и которые меняются в ходе культурных изменений. Веблен указывал на иррациональность институтов денежной экономики и необходимость поворота экономической теории к социальным проблемам. Опираясь на заложенную Шмоллером и Вебленом исследовательскую традицию, Дж. Р. Коммонс выдвинул на первый план поиск компромиссов в ходе трансакционных процессов, позволяющих формировать институциональную экономику как экономику коллективных действий. Он не соглашался с маржиналистской трактовкой распределения стоимости и указывал на важность организации коллективных действий на основе согласования разумных ценностных характеристик контрактов.

Построение концептуальных схем в гетеродоксальных исследованиях сегодня осуществляется на основе анализа особой роли культурных феноменов в социально-экономическом процессе, выступающих исходным пунктом изучения круговой и кумулятивной причинности; поэтому особую значимость приобретают идеи, идеология, ценности и различные нормы [25. С. 44]. Такой подход, в отличие от неоинституционального подхода, позволяет исследовать более широкий круг экономических проблем, по-иному понимать центральную проблему и методы ее решения. Гетеродоксальные институционалисты делают акцент на необходимости учета нормативных элементов при изучении экономики и экономической политики государства, распределения власти в обществе, интересов экономических, политических и социальных групп; на данной основе разрабатываются предложения, которые не полагаются лишь на рыночные механизмы [7. С. 129]. Эволюция экономики при этом рассматривается как процесс, складывающийся под влиянием культурного наследия и зависящий от прошлого пути развития.

Гетеродоксальные институционалисты считают необходимым восстановить связь экономической теории с моральной и политической философией. Как отмечает М. Сэндел, в классической политической экономии в XVII и XVIII веках, от А. Смита до К. Маркса и Дж. Ст. Милля экономическая теория выступала разделом моральной и политической философии; но в XX веке «экономикс» отказался от данной традиции [26]. Пересмотр мейнстримовского видения экономики, как считает Дж. Ходжсон, важно осуществлять с учетом того, что мораль должна присутствовать в экономических исследованиях, поскольку «функционирование многих ключевых институтов зависит от моральных

правил и мотиваций» [27. Р. 164]. По мнению Ходжсона, понятие «институционализм» не следует интерпретировать упрощенно, важно синтезировать элементы институционального, марксистского и посткейнсианского анализа. Кроме того, он обращается для подкрепления своих утверждений к Г. Шмоллеру и Дж. Коммонсу.

В гетеродоксальных теориях делается акцент на анализе связи изменений власти, институтов и технологий. В данных теориях экономика рассматривается как система власти, подчеркивается конфликтность властных отношений, вызванных борьбой субъектов экономики и их групп за выгодное положение и результаты деятельности, но не отрицается значимость отношений сотрудничества. Восприятие современной экономики как системы институтов предполагает, что она включает и институты, формирующие рынок. При этом центральное микроэкономическое утверждение состоит в том, что аллокация ресурсов и распределение доходов выступает не функцией рынка, а проявлением власти в рыночной экономике; внимание сосредоточивается на том, чьи интересы учитываются при аллокации ресурсов, распределении доходов и формировании занятости [7].

Гетеродоксальные исследования макроэкономики опираются на интеллектуальные традиции, заложенные классиками политэкономии, исторической школы и Дж. Кейнсом. Кейнс считал экономическую теорию моральной дисциплиной и полагал, что правильнее называть ее политической экономией. Он указывал на необходимость государственного регулирования экономики для обеспечения полной занятости и устранения несправедливого распределения богатства и доходов [28. С. 332]. Посткейнсианцы утверждают, что кейнсианская революция все еще ждет своей реализации в экономической теории и экономической политике. Они отвергают основные положения неоклассической школы, прежде всего, связанные с теорией предельной полезности, факторной теорией стоимости, законом Сэя и нейтральностью денег. При этом поворот к традициям классической политической экономии происходит часто в форме неорикардизма, обращения к теории капиталистического воспроизводства Маркса, а также переосмысления важнейших категорий экономической теории – стоимости, капитала, прибыли и т.д. Посткейнсианцы ориентируются на расширение проблемного поля на основе переосмысления микрооснований макроэкономики и изучения системных свойств макропроцессов, которые описываются с учетом социального контекста, неопределенности и противоречивости социальных взаимодействий. Объясняя макропроцессы, они прибегают к анализу поведенческих аспектов, зависящих от ожиданий субъектов, распределения доходов и финансовых условий; обращаются к калдоровской модели роста и распределения дохода, а также к теории финансовой нестабильности Х. Мински.

Посткейнсианцы выступают с резко критической оценкой макротеорий мейнстрима и неолиберальной политики [29; 30]. Наиболее системно посткейнсианская модель экономической политики изложена в современной

денежной теории (*Modern Monetary Theory, MMT*), опирающейся на идеи Маркса, посткейнсианства и институционализма [31]. Неолиберальный проект, вызвавший глубокие диспропорции в экономике, ее финансиализацию и обогащение меньшинства за счет большинства, посткейнсианцы предлагают заменить современным видением экономики, опираясь на новые ценности. Они указывают на важность проведения справедливой политики доходов, борьбы с безработицей и финансовой неустойчивостью, а также необходимость увязывать методы бюджетной и кредитной политики с активной структурной и инвестиционной политикой.

Сегодня в разных теориях предполагается, что институты существуют постольку, поскольку их поддерживают культурные ценности данного общества, в этом смысле институты зависят от ценностей. Так, представители австрийской школы с позиции либеральных ценностей и методологического индивидуализма выступили с критикой иллюзий возможности изучения экономического поведения, игнорируя влияние социальной среды. Ф. Хайек и Л. Мизес, являясь приверженцами идеологии свободного рынка, исходили из того, что в обществе складывается спонтанный порядок в результате эволюции социальных институтов. При этом обращается внимание на то, что представления людей возникают на основе культурного наследия общества; а когда идеи становятся общим достоянием, они фактически направляют развитие общества [32. С. 145–147]. С точки зрения австрийской школы холизм социально опасен, так как открывает дорогу к социальному конструктивизму, авторитаризму и рабству.

Сегодня Д. Макклоски, опираясь на идеи австрийской школы, указывает на необходимость пересмотра теорий мейнстрима, поскольку в этих теориях этика была опущена, по-видимому, чтобы убедить общественное мнение в том, что политическая экономия не является подрывной наукой. Исходя из этого, обосновываются изъятия неоинституциональной интерпретации истории развития национальных экономик [33]. Неоинституционалисты, как пишет Макклоски, забывают, что институты имеют человеческий смысл, поэтому институты у них выступают как свалившиеся с неба. Она отмечает, что успешность работы институтов определяется этикой, а не правилами игры. Макклоски предлагает создавать «экономику с человеческим лицом», опираясь на буржуазные добродетели, и фокусирует внимание на том, что идеи, благодаря широко распространенной риторике, могут породить как прогресс, так и регресс.

В рамках ценностно-ориентированной стратегии в настоящее время разрабатываются различные теории социально-экономического развития. В наиболее значимой современной теории, предложенной К. Вельцелом и Р. Инглхартом, общественные изменения объясняются исходя из монокаузальной логики, так же как и в неоинституционально-историческом подходе, но в данной теории перемены в культурных ценностях общества порождают институциональные

изменения [34; 35]. Последние десятилетия, как пишет В. Полтерович, стали периодом формирования современного институционально-исторического направления исследований. Однако все предложенные теории имеют странную особенность – сочетание монокаузальности и мультидисциплинарности. Их авторы хотя и опираются на историю экономических и политических институтов, но в этих теориях провозглашается доминирующая роль одной группы факторов и предполагается вторичность остальных [36. С. 53].

О смене исследовательской парадигмы. Институциональный подход сегодня активно используется в различных социальных науках, поскольку он выступает направлением системной методологии, которое ориентировано на изучение социальных систем как специального класса сложных систем. Следует отметить, что до маржиналистского переворота представители классической политэкономии и исторической школы сформировали традицию, в соответствии с которой именно институциональный подход фактически рассматривался в качестве специфического направления применения системного анализа при изучении экономики. Так, Д. Норт считал, что труды Маркса представляют собой пионерные усилия, направленные на соединение технологических изменений с институциональными изменениями [20. С. 168]. Уже первые представители исторической школы, как писал Б. Селигмен, исходили из необходимости исследования вопроса о том, как возникали и развивались экономические институты [37. С. 26]. Сторонники гетеродоксальных исследований также считают, что разработка теории институциональной экономики не является ее неким дополнительным анализом [7].

Сегодня институциональные исследования проводятся в социальных науках в рамках различных исследовательских программ. Многообразие теорий, концепций и моделей, которые сложились в институциональных школах и течениях, отражают разные представления о свойствах акторов и природе социальных институтов. В рамках неоинституционального подхода трактовка «институтов» связана с базовыми категориями неоклассического аналитического аппарата, основанного на описании эгоистического поведения субъекта. В связи с этим институты часто трактуются как «правила игры» или «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [20. С. 17–18].

Для выхода за рамки традиционной парадигмы изучения экономики важное значение имеет формирование в конце XX в. в результате сдвигов в методологии социального познания конструктивистского подхода. Социальный конструктивизм использует логику коммуникативных действий ценностно-рациональных субъектов, которые создают совместные знания и на основе диалога достигают согласия о ценностях [38]. Поэтому институты понимаются не просто как правила игры, регулирующие социальные взаимодействия, а представляют более содержательное понятие. Они рассматриваются как коллективные

феномены, которые характеризуют сложившиеся системные связи в обществе и коллективные формы действий людей. Как пишет Ф. О'Хара, «институты – это устойчивые долгосрочные взаимосвязи, определяющие социальное поведение людей» [25. С. 39]. По мнению Н. Флигстина, институты – это не только правила, но и разделяемые смыслы, подразумевающие, что люди знают об их существовании или что они могут быть осознаны [38. С. 122]. В рамках новой школы французского институционализма институты интерпретируются как закономерно сложившиеся связи (регулярности), выступающие продуктом исторического развития общества и компромиссной формой разрешения противоречий. В связи с этим институциональный анализ часто осуществляется с помощью понятия *институциональная форма*, которое характеризует способ участия субъектов в общественных отношениях. По словам Р. Буайе, происхождение институциональных форм вызвано структурными изменениями, столкновениями между социальными группами или классами [39. С. 10].

В социальном конструктивизме интерпретация понятия институтов связана с процессом их легитимации и основывается на рассмотрении нескольких его составляющих – коллективных смыслов, ценностей, норм, правил и т.д. Институциональный порядок воспринимается как справедливый и обоснованный в связи с укорененностью институтов в социальных представлениях, ментальных моделях и т.д. Институциональные порядки характеризуются также наличием противоречивых властных отношений, поскольку «правила взаимодействия и распределения ресурсов выступают источником власти» [38. С. 121].

Разработка соответствующей современным реалиям стратегии познания экономики требует пересмотра сложившихся парадигмальных рамок проведения институциональных исследований на основе использования идей социального конструктивизма в качестве междисциплинарного подхода и классической политэкономии, заложившей фундаментальные основы анализа эндогенных механизмов развития институциональной экономики. В связи с этим становится возможным рассматривать поведение и взаимодействие субъектов экономики в соответствии с ее интерсубъективной природой как обладающих экономической культурой, которая как феномен сознания присутствует во всех формах экономической деятельности и выражает наличие противоречивого единства общесистемных и индивидуальных характеристик экономического мышления и поведения субъектов, обуславливающих двойственность их ценностных ориентаций, мотивов, интересов, целей и моделей поведения [40].

Предлагаемая исследовательская парадигма позволяет изучать экономические институты в качестве эндогенных феноменов, рассматривая их как складывающиеся в долгосрочном, среднесрочном и краткосрочном периодах относительно устойчивые взаимосвязи, которые создаются на основе ценностного согласия в процессе взаимодействий субъектов экономики, обладающих сложной и динамичной структурой ценностных представлений. Институциональные связи

поддерживаются с помощью принудительных и стимулирующих мотиваций, определяют поведение субъектов, зависят от их поведения и проявляются в разных институциональных феноменах – нормах, правилах, агрегированных параметрах и др. Кроме того, важную роль в эволюции экономики как сложной системы играют процессы, связанные с противоречивой природой властных отношений и легитимацией институционального порядка.

Парадигмальное переосмысление видения экономической реальности в соответствии с ее интерсубъективной природой способствует кардинальной коррекции исследовательской оптики, ее развороту к более реалистичному описанию усложняющихся процессов институциональной трансформации современной экономики, что предполагает отказ от использования лишенных ценностной нагрузки подходов и учет значимого влияния на динамику экономических процессов не только экономических институтов, но и экономических идей и ценностей. В связи с этим становится возможным изучение разнообразных моделей развития национальных экономик, которые характеризуют особенности достижения ценностно-институционального компромисса, сложившегося в ходе взаимодействия обладающих различными ресурсами и ценностно-экономическими предпочтениями акторов. Изменение методологических предпосылок проведения институциональных исследований позволяет выйти за ограниченные рамки монокаузальных версий интерпретации процессов развития национальных экономик и содержательно анализировать двусторонние причинно-следственные связи экономических ценностей и институтов, противоречивое влияние которых на экономическое развитие не является общепризнанным [40]. Предлагаемый пересмотр традиционной парадигмы подразумевает построение более общей экономической теории с учетом позитивных результатов выполненных теоретических исследований. Особую значимость в связи с этим приобретает работа, которая проделана представителями гетеродоксальной экономики, использующими исследовательский подход, во многом созвучный идеям классической школы и социального конструктивизма.

Радикальные перемены в современной экономической картине мира, возникшие на основе реализации глобалистской версии неолиберального проекта, делают очевидным наличие противоречивой системной связанности экономических процессов, происходящих на наднациональном и национальном уровнях. Предлагаемый подход ориентирует на переосмысление традиционных способов познания меняющейся сегодня многоуровневой экономической реальности на основе изучения эндогенной по своей природе сложной связи изменений ценностных, институциональных и технологических структур, которые обусловлены стремлением России и развивающихся стран трансформировать сложившуюся модель институционального устройства мировой экономики, позволяющей перераспределять национальные богатства в пользу финансово-олигархических кланов с помощью неоколониальных методов

и использования доллара в качестве ключевого санкционного инструмента. В условиях жесткого противоборства крупных держав и резкого возрастания санкционного давления на российскую экономику важным становится ее переход к новой парадигме развития, которая предполагает отказ от неоклассического восприятия экономической реальности, формирование экономических ценностей и гибких институциональных регуляторов внешних и внутренних экономических связей, способствующих успешному решению проблем структурной трансформации и обеспечения технологического суверенитета на основе достижения баланса частных и общих интересов.

Таким образом, институциональный подход к анализу экономики важно рассматривать в качестве специфического направления системной методологии, ориентированной на изучение экономики как эволюционирующей сложной системы.

Проводимые сегодня экономические исследования явно или неявно выступают различными версиями институциональных исследований. Ключевые особенности разработки современных стратегий познания экономики возникли в результате маржиналистского переворота и появления общепринятой дуалистической версии неоклассической парадигмы, порождающей исследовательский тупик. В конкурирующих стратегиях в качестве «жесткого ядра» используется (часто по умолчанию) утилитаристская трактовка экономических мотивов поведения субъектов, а социальные феномены выступают экзогенными переменными, с помощью которых создаются разные объяснительные схемы поведения субъектов. При этом в ценностно-нейтральной (неоинституциональной) стратегии, сложившейся в рамках мейнстрима, решающая роль в конструировании социальных феноменов и в описании экономических процессов принадлежит институтам, а в ценностно-ориентированной стратегии данную роль выполняют ценностно-нормативные мотивы поведения субъектов. Вместе с тем сторонники неортодоксальных институциональных теорий, сосредоточиваясь на важности решения социально-экономических проблем, учитывают более широкий спектр переменных, чем в основном неоинституциональном течении. Выход за парадигмальные рамки традиционных исследовательских стратегий предполагает формирование нового видения картины экономической реальности на основе использования конструктивистской логики и идей классической парадигмы, что способствует разработке категориальной схемы, описывающей эндогенные механизмы развития экономики и обладающей большим когнитивным потенциалом.

Литература

1. *Сухарев О.С.* Институционализм: расцвет или упадок? // Общество и экономика. 2021. № 11. С. 18–43.
2. *Alvesson M., Spicer A.* Neo-institutional theory and organization studies: A mid-life crisis? // *Organization Studies*. 2019. Vol. 40. No. 2. P. 199–218.
3. *Aoki M.* *Toward a comparative institutional analysis* // Cambridge, MA: MIT Press, 2001. 467 p.

4. *Ходжсон Дж.* Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 45–61.
5. *Куриц Х.Д.* Краткая история экономической мысли // М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 312 с.
6. *Arrow K.J.* Methodological individualism and social knowledge // American Economic Review (Papers and Proceedings). 1994. Vol. 84, No. 2. P. 1–9.
7. *Сэмюэлс У.* Институциональная экономическая теория // Панорама экономической мысли в конце 20 века. Т.1 // СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 125–141.
8. *Hodgson G.M.* On fuzzy frontiers and fragmented foundations: Some reflections on the original and new institutional economics // Journal of Institutional Economics. 2014. Vol. 10. No. 4. P. 591–611.
9. *Баумоль У.* Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 73–107.
10. *Эрроу К.Дж.* К теории ценового приспособления // Теория фирмы // СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 432–447.
11. *Бирюков В.* Парадигмальные рамки развития монетарных теорий: особенности формирования // Общество и экономика. 2022. № 1. С. 72–91.
12. *Автономов В.С.* Экономическая теория до и после Великой рецессии // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2. С. 58–64.
13. *Коландер Д., Фельмер Г., Хаас А., Голдберг М., Юселиус К., Кирман А., Люкс Т, Слот Б.* Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики. 2010. № 6. С. 10–25.
14. *Keizer P.* The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition // Working Papers. No. 07-25. / Tjalling C. // Koopmans Research Institute, Utrecht School of Economics, Utrecht University, 2007. 25 p.
15. *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений // М.: Дело, 2002. 536 с.
16. *Felin T., Foss N.J.* Strategic organization: A field in search of micro-foundations // Strategic Organization. 2005. Vol. 3. No. 4. P. 441–455.
17. *Felin T., Foss N.* Microfoundations for institutional theory? // Microfoundations of Institutions (Research in the Sociology of Organizations, Vol. 65B). / Haack P., Sieweke J., Wessel L. (Ed.) // Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. P. 393–408.
18. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества // М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 408 с.
19. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные: Происхождение власти, процветания и нищеты // М.: Издательство АСТ, 2015. 693 с.
20. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с.
21. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.* Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы // М.: АСТ, 2021. 870 с.
22. *Аристотель.* Политика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. // М.: Мысль. 1984. С. 375–644.
23. *Веблен Т.* Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной // Истоки: Из опыта изучения экономики как структуры и процесса // М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. С.10–32.
24. *Шмоллер Г.* Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда // М.: Либроком, 2020. 224 с.
25. *О'Хара Ф.* Современные принципы неортодоксальной политической экономики // Вопросы экономики. 2009. № 12. С. 38–57.
26. *Сэндел М.* Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 256 с.

27. *Hodgson G.M.* From Pleasure Mechanics to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus // Chicago; London: The Chicago University Press, 2013. 323 p.
28. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранные // М.: Эксмо, 2007. 960 с.
29. *Galbraith K.* The End of Normal // NY; London: Simon & Schuster, 2015. 304 p.
30. *Stiglitz J. E.* Where modern macroeconomics went wrong // *Oxford Review of Economic Policy*. 2018. No. 34 (1–2). P. 70–106.
31. *Mitchell W., Wray L.R., Watts M.* Macroeconomics // London: Macmillan; Red Globe Press, 2019. 604 p.
32. *Хайек Ф.А.* Конституция свободы // М.: Новое издательство, 2018. 526 с.
33. *McCloskey D.* Bourgeois Dignity: Why Economists Can't Explain the Modern World // Chicago; London: Chicago University Press, 2011. 592 p.
34. *Вельцель К.* Рождение свободы // М.: ВЦИОМ, 2017. 404 с.
35. *Ингелхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как меняется этот мир // М.: Мысль, 2019. 347 с.
36. *Полтерович В.М.* На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 48–57.
37. *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли // М.: Прогресс, 1968. 600 с.
38. *Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу // М.: РОССПЭК, 2002. С.119 –156.
39. *Буаье Р.* Теория регуляции: Критический анализ // М.: Наука для общества: РГГУ, 1997. 212 с.
40. *Бирюков В.* Ценности, институты и экономическое развитие // Общество и экономика. 2020. № 4. С. 5–24.

Vitalij Biryukov (e-mail: sciencebv@gmail.com)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Department of Economics and Personnel Management,
Omsk Academy of Humanities (Omsk, Russia)

PARADIGMATIC FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF INSTITUTIONAL STRATEGIES FOR STUDYING MODERN ECONOMY

The article shows the limitations of the strategies for studying institutional economics, which have developed as a result of both the marginalist revolution and the emergence of the generally accepted dualistic paradigm. Within the framework of this paradigm, competing strategies actually use the utilitarian interpretation of economic motives for the economic actors' behavior as a “hard core”, and social phenomena as exogenous variables, by which different explanatory patterns of economic behavior are created. In the article the peculiarities of the development of a research paradigm are considered, that makes it possible to study the endogenous mechanisms of the development of a modern economy on the basis of an institutional approach.

Keywords: classical paradigm, neoclassical paradigm, institutional theories, institutional economics.

DOI: 10.31857/S020736760022707-6